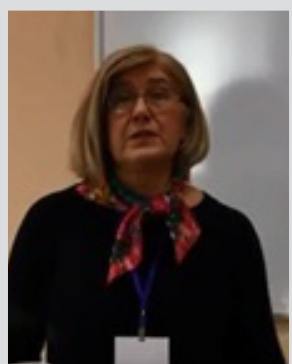
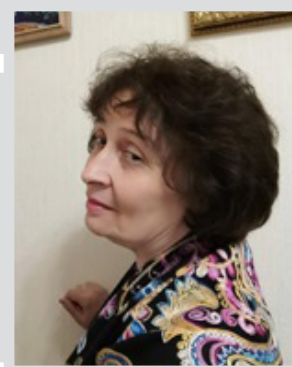

УДК 130.3 : 130.2 : 111.7

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-336-342

От культурных индустрий к духовному производству**Терещенко Наталья Анатольевна**

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социальной философии
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Шатунова Татьяна Михайловна

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социальной философии Института
социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность статьи заключается в вопросе о причинах доминирования в современных научных, философских, художественных практиках западных стратегий и паттернов. Цель статьи – попытаться обнаружить возможность формирования субъекта, способного, оперируя стратегиями сегодняшней академической культуры, все же «запустить» процесс использования собственных интеллектуальных, художественных, социальных традиций. Новизна исследования состоит в попытке авторов увидеть решение этой проблемы в двух плоскостях: во-первых, в плоскости анализа изменений характера субъектности современной интеллигенции, поскольку современный тотальный капитализм не создает из себя органической интеллигенции, выражающей интересы капитала как всеобщие. Она замещается так называемыми интеллектуалами – неорганической интеллигенцией, порождаемой на излете модерна рекрутингом различными частями капитала собственных агентов из традиционной интеллигенции предшествующих эпох. Во-вторых, авторы показывают, что в теории незаметная подмена понятия духовного производства термином «культуриндустрия» маркирует серьезные процессы трансформации духовного производства и ведет к утрате субъектности современного интеллектуала, теряющего способность создавать (обще)человеческие смыслы и воспроизводящего вместо них механизмы или технологии создания другого продукта – неразличимую массу потребителей. Научно-практическая составляющая статьи видится в попытке авторов определить некоторые точки роста новой субъектности, способной освоить традиции своей собственной культуры и включиться в процесс духовного производства как производства смыслов и, в пределе, – производства общественного человека и общества в целом.

Ключевые слова: духовное производство, культурные индустрии, органическая интеллигенция, утрата субъектности, формы трансляции смыслов

Для цитирования: Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. От культурных индустрий к духовному производству // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 336–342. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-336-342.

Очень часто актуальность проблемы обнаруживается не при чтении последней литературы, посвященной актуальным вопросам современности, а на простых занятиях со студентами. Они, как лакмус, проявляют самые неожиданные болевые точки философского дискурса. Так, однажды на занятиях студенты задали вопрос: почему в текстах, лекциях, выступлениях практически не звучат имена и идеи русских философов? Стало очевидным (а очевидность, как писал Декарт, есть критерий истины), что проблема уже вышла за рамки собственно академического поля. Точнее, что назрел вопрос об анализе самой академии. И здесь не обойтись просто включением в учебные программы дополнительных курсов, речь идет о том, что надо понять, почему отечественный философский дискурс так болезненно воспринимает и нервно реагирует на все попытки задаться вопросом о его логике и установках.

Уязвимость этого текста будет заключаться в том, что, ища ответы на поставленный вопрос, мы тоже будем обращаться именно к западной философской традиции, как бы подтверждая неизбывность сегодняшнего состояния и ложность постановки вопроса. Однако заметим: чтобы понять тот или иной дискурс, надо обратить его же собственные принципы на него самого. Этот тезис, высказанный К. Марксом и Ф. Энгельсом, был горячо принят совсем не их сторонником и теоретическим единомышленником Ж. Деррида, восхищавшимся смелостью К. Маркса и Ф. Энгельса, говорящих о возможности «устаревания» их самих – о неизбежно историческом характере их собственного учения. «Какой еще мыслитель когда-либо столь же откровенно высказывал подобные предостережения? Кто и когда призывал к необходимости будущей трансформации своих собственных тезисов?» [1, с. 27].

Нас в этом риторическом вопросе интересует не отношение к наследию марксизма, а сам принцип изменения дискурсов, теорий, идеологий и встраивания теоретиков в структуры общественной жизни. Попробуем посмотреть, как и почему в России (или в любой другой стране) может возникнуть ситуация маргинализации собственного культурного, философского, научного, художественного наследия, как происходит гомогенизация интеллектуальной жизни в логике общества модерна и постмодерна.

Итак, целью данной статьи является попытка понять, как изыскать возможности развития самого существующего дискурса сегодняшней академии, и найти пути диалога с другими мыслительными стратегиями, не укладывающимися в традиционные рамки и существующие стратегии философствования, а также выявить условия разработки этих «других» мыслительных стратегий.

Непосредственный предмет нашего разговора – проблема производства человека, способного производить и воспринимать смыслы, а следовательно,

о-смысленно существовать и действовать. Конечно, необходимо добавить: в обществе. Выделяем это в отдельное предложение, так как в последнее время (хотя оно уже охватывает почти век) общественная скобка не в тренде, речь ведется, как правило, лишь об индивидуальных траекториях мысли, действия, жизни.

Методологической базой для этого разговора будет Марксова теория общественного производства, а точнее – очерково набросанная Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» структура производительных сил общества и общественного разделения труда. Рассуждая о материальных производительных силах как будущей основе коммунизма, авторы пишут, что в это движение должно быть включено и переосмысленное гражданское общество, которое, безусловно, «есть истинный очаг и истинная арена всей истории». Позволим себе разорвать цитату. К. Маркс и Ф. Энгельс пишут далее, что уже в понимании гражданского общества «видна нелепость прежнего, пренебрегавшего действительными отношениями, понимания истории, которое ограничивалось рассмотрением громких и пышных деяний» [2, с. 35].

Смысл этой, казалось бы, тоже просто «пышной» фразы, проясняется в пометке следом: «До сих пор мы рассматривали главным образом только одну сторону человеческой деятельности – обработку природы людьми. Другая сторона – обработка людей людьми» [2, с. 35]. На полях рукописи ремарка Маркса: «общение и производительная сила». Собственно, этот фрагмент и стал ключом к марксистской теории духовного производства, которое, в отличие от материального (являющегося обработкой людьми предметов природы), представляет собой обработку людей людьми, в ходе чего и производятся не просто идеи, а человек и собственно общественное сознание.

В последнее время понятие духовного производства не в ходу. Уже почти век, с появления в 1947 г. книги Т. Адорно и М. Хоркхаймера «Диалектика Просвещения», в понятийный аппарат социально-гуманитарного знания вошел термин «культуриндустрия». Казалось бы, есть инструмент (а понятие/концепт/метафора и даже просто термин – это всегда инструмент), который позволяет работать почти в том же пространстве. Но так ли это? Что попало в поле зрения с изменением терминологии, а что утеряно? Попробуем разобраться.

Итак, производство общественного сознания общественного человека. Потому что даже самый индивидуализированный, герметизированный, аутизированный Нарцисс – это всегда обществом произведенный продукт. Если речь идет о производстве – духовном ли, материальном ли, нам необходимо определиться с субъектом этого производства, его, субъекта, целями и средствами. Тот же вопрос возникает и при анализе культуриндустрии или, как се-

годня можно сказать, культурных индустрий (множественное число важно).

Человек – существо искусственное, созданное, самосозданное, аутопоэтическое – можно продолжить, вариаций масса. Но главное одно: он не природен в смысле данности, он – становление, а не ставшее. И именно поэтому требуются постоянные усилия и особые процедуры для выведения его из состояния потенциальности в состояние актуальности. Но и здесь результат не гарантирован. Кроме того, сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда усилия будут прикладываться именно для невозможности выведения пока еще практически природного (точнее – натурализованного) существа в состояние актуальности, запечатывания его в потенциальности, превращенной в невозможность. Причем производство сознания является неотъемлемой стороной этого процесса. В этом плане, думается, различные страсти по преодолению антропоцена и превращению человека в некое природное (в пределе – компостное) состояние – избыточные трепыхания. Усилие необходимо именно для выведения человека в состояние человека, а вот в состоянии неразличимости, непосредственности, данности он пребывает без усилий. Воспитывать потребителя, хоть и грамотного, что было определено как цель среднего образования в нашей стране еще совсем недавно, совсем не надо. Потребитель есть данность, он потребляет и так, без всякого воспитания.

Черта различия между духовным производством и культуриндустрией, на первый взгляд, практически отсутствует. И там, и там производится некоторый корпус идей, и там, и там эти идеи существуют по принципу товара (то есть имеют потребительскую и меновую стоимость), и там, и там работают некоторые механизмы «подключения» повседневного человека к продуктам этих производств. Но результат разительно различен, что и зафиксировали Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своей работе. В.А. Кутырев совершенно справедливо назвал «Диалектику Просвещения» гениальной алармистской работой, отметив, что, осуществив точную диагностику ситуации, авторы совершенно ничего не сказали о каких-то путях ее преодоления [3, с. 27–29]. Совершенно не претендуя на то, что нам удастся решить проблему, которую до сих пор не решили теоретики разных направлений, попробуем лишь наметить некоторые траектории движения.

Оставим в стороне типичный для философии XX в. сюжет с негативными последствиями эпохи Просвещения. Во-первых, это стало уже общим местом, во-вторых, нам нужно не констатировать, а понять причину этого странного последствия установки, которая была направлена как раз на иное. Зафиксируем только время: диагноз амбивалентности Просвещения поставлен уже немецкой классической философией. С этого времени мы

все больше сталкиваемся с тем, что Гегель называл «иронией истории». Хотя авторы «Диалектики Просвещения» фиксируют уже результат этого странного процесса. «Техника культуриндустрии была превращена в феномен стандартизации и серийного производства, а в жертву было принесено то, что всегда отличало логику произведения искусства от логики социальной системы», – пишут Т. Адорно и М. Хоркхаймер [4, с. 151]. И далее: «Соответствующие лишь бюджету культуриндустрии стоимостные дифференциации вообще не имеют никакого отношения к различиям содержательным, к самому смыслу производимых продуктов» [4, с. 154]. И уж совсем радикально: «Надзор за тем, чтобы процесс простого воспроизводства духа случайно не привёл к расширенному его воспроизводству, осуществляется всеми её агентами, от продюсера до женских союзов» [4, с. 158]. Техника превалирует, смыслы уходят вместе со сменой целей – остаться в системе во что бы то ни стало.

Лента Мебиуса, столь любимый образ постмодернистских мыслителей. Внутреннее становится внешним, плюс оборачивается минусом, но главное – глубина становится поверхностью. Происходит сглаживание ландшафта. Ничуть не хуже бульдозерной хрущевской выставки. И это вызывает у авторов «Диалектики Просвещения» чувство опасности.

И вот другая работа – Дэвид Хэзмондалш «Культурные индустрии». Автор очень обстоятельно объясняет причину того, почему он решил переиздать и в некоторых моментах дополнить свою книгу, первое издание которой относится к 2002 г. Основная мысль, по словам автора, заключается в следующем: «Осмыслить произошедшие изменения в контексте долгосрочных исторических течений – в экономике, политике и культуре. Мой тезис заключается в том, что культурное производство и потребление изменились меньше, чем хотят нас уверить некоторые обозреватели... Сами СМИ непрерывно производят всевозможные рассуждения о трансформациях производства и потребления культурных продуктов. Однако в суеде ежедневной журналистики не хватает времени на то, чтобы рассмотреть долгосрочный исторический контекст» [5, с. 11]. Видно, как меняется настроение. Производство культурных артефактов меняется очень медленно и незначительно в долгосрочной ретроспективе. Серьезные изменения – продукт работы СМИ. Алармизм преодолен, нет причины для расстройств. Но есть поле для исследования изменения и наследования. Но так ли уж все наследственно-преемственно, если автор вынужден признать, что не работают традиционные категории, в которых описывался процесс производства культурных артефактов? «Вместо термина “искусство” со всеми его коннотациями, отсылающими к индивидуальному гению и высшему призванию, я хочу использовать

более громоздкий термин СИМВОЛИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ, а термину “художники” я предпочитаю выражение СОЗДАТЕЛИ СИМВОЛОВ для обозначения тех, кто создает, интерпретирует и перерабатывает истории, песни, образы и т.д.» [5, с. 18]. Культурные индустрии, вторгаясь в том числе в частную жизнь через производимый контент, участвуют в «создании нашего общественного “я”: фантазий, эмоций и идентичности. Это сильно отражается на ощущении того, кто мы, что значит быть мужчиной или женщиной, африканцем или арабом, канадцем или ньюйоркцем, гетеросексуалом или гомосексуалистом. Именно поэтому продукты культурных индустрий – нечто большее, чем просто способ провести время или отвлечься от других, более важных вещей». [5, с. 16] То есть быть мужчиной или женщиной, африканцем или арабом и т.д. – это тоже результат культурно-индустриальной инженерии¹. «Культурные индустрии – проводники экономических, социальных и культурных изменений», – так называется один из подразделов «Культурных индустрий» [5, с. 20].

Заметим: в «Диалектике Просвещения» упор сделан именно на разрушение, изменение идей, носящее деструктивный характер. В «Культуриндустрии» технология проходит как бы фоном протекания процесса девальвации смыслов. Хотя, как пишет П. Андерсон, энтузиазма по поводу технологий, обеспечивающих производство смыслов, который еще можно увидеть у Брехта и Беньямина, говоривших о том, что технологии могут (и должны) быть освоены искусством для того, «чтобы достичь массовой аудитории», у авторов «Диалектики Просвещения» уже нет [5, с. 68–70].

Что же произошло в сфере производства смыслов, что принесло некоторое спокойствие исследователям культуры полвека спустя? Ответ, думается, надо искать в изменении положения интеллектуала в сфере общественного производства. Думается, что использование здесь понятия общественного, а не духовного производства имеет смысл, так как меняется и форма, и содержание процесса. Если духовное производство как обработка людей людьми производит общественное сознание в форме идей, то сегодня этот процесс нельзя представить без проникновения в него индустриальных механизмов и без обратного влияния этих идей на саму индустрию². Это уже приводит к изменению положения субъекта (агента)³ духовного производства в общественном производстве в целом. Область духовного

производства перестает быть некоторой четко отделенной сферой общественной жизни, и его субъект (агент) теряет свое особое положение в социальной структуре. З. Бауман пишет о новой «революционной стратегии» в понимании культуры, которая «предполагает глобальное переосмысление роли и социального положения интеллектуала, так что метафорическое выражение «законодатель» становится по отношению к нему неадекватным и возникает необходимость в другой метафоре – в образе «переводчика» [8]. Очевидно, что роль законодателя интеллектуал играет в домодерновой культуре, переводчика – в культуре постмодерна. Новой и отчасти революционной эта стратегия уже быть перестала, но от этого не потеряла своей актуальности, так как может помочь понять перенос акцента с производства смыслов на производство механизмов трансляции. Но не будем спешить.

Итак, рассуждения об интеллектуале в современном ему обществе Бауман начинает с обращения к теории интеллигенции А. Грамши [9]. Грамши вводит понятие органической интеллигенции, которая формируется из господствующего класса. Соответственно, представители этой органической интеллигенции как раз и производят общественное сознание в форме идей, в которых частный интерес выражается как всеобщий. Кроме того, Грамши использует понятие технической интеллигенции, говоря о том, что производство идей требует механизмов и институций для их распространения. Так, школьный учитель не открыл законы термодинамики, но доносит знание об этих законах до школьника, транспонировав его в нужную языковую и понятийную тональность. Иными словами, производство идей требует создания инфраструктуры для их распространения. Причем разные идеи требуют разных инфраструктурных сценариев и разных инструментов. Фактически Грамши говорит о необходимости технологического обеспечения процесса духовного производства или о том, что субъект духовного производства как минимум двойственен, а то и тройственен, если учесть, что органическая интеллигенция основной социальной группы вступает в отношения с интеллигенцией предыдущего господствующего слоя, которую Грамши называет традиционной, в борьбе за гегемонию⁴.

Но позволим себе несколько усложнить картинку, дополнив понятийный ряд Грамши с учетом наблюдений Баумана понятием неорганической интеллигенции (органическая – техническая), а как особого ее, интеллигенции, статуса в эпоху модерна, что еще больше усложнит структуру интеллигенции уже не как особой группы людей, находящейся в определенных отношениях синонимии с господствующим

¹ Заметим разницу между траекторией становления женщиной, животным и др., у Ж. Делеза, где это траектории индивидуальных стратегий и принципа соседства [см. 6, с. 7–10].

² Об этом взаимовлиянии пишет, например, В. Беньямин в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» [7, с. 16–64].

³ Будем писать в скобках (агент), так как где-то нам придется развести эти две роли.

⁴ Вопрос о гегемонии, интереснейший сам по себе мы не будем затрагивать в этой статье.

классом и со всем обществом, но как институции⁵. Бауман указывает на очень интересную черту интеллектуала, которая проявилась в эпоху модерна. Пришедшая к власти буржуазия, не имевшая политического опыта, была вынуждена призывать себе в помощь интеллектуалов, органическую интеллигенцию уходящего господствующего класса, которая занимала в эпоху модерна несколько ступеней в общественной иерархии: учителя, являющиеся «учителями нравственности, миссионерами и образцами для всех остальных», постепенно превратились в маловлиятельную в политическом плане группу, что усилилось в ситуации провозглашения свободы «государства от идеологии – читай, от тех, кто идеологию сочиняет». Последние пытались утешиться, изображая разжалование легитимации как «кризис легитимности».

Учитывая еще и фактор разнообразия форм разворачивания капиталистических отношений, интеллектуал, который фактически был пролетарием умственного труда, уже не мог производить идеи в логике органической интеллигенции. «Органические интеллектуалы даже при желании вряд ли сумели бы изгладить следы своего присутствия из собственных творений или хотя бы затушевать их» [8]. Рекрутированный интеллектуал модерна вынужден создавать не идеи и смыслы, а приемлемые формы их распространения, уже не напечатлевая свою волю и чаяния на продукт своей деятельности. Выражая не свои, а чужие смыслы, решая чужие задачи и прорисовывая механизмы реализации чужих целей, интеллектуал становится «неорганическим» духовным протезом господствующего социального слоя. Позволим себе предположить, что капитализм так и не создал свою органическую интеллигенцию, зафиксировав интеллектуала в положении пролетария умственного труда, а процесс, который У. Бек назвал индивидуализацией социальных классов, фактически ликвидировал возможность адекватного понимания интеллектуалом своего места в общественном производстве.

Если в домодерновом обществе субъект духовного производства имел тройственную структуру, но при этом был целостным субъектом, что обуславливалось так называемой «предустановленной гармонией» мыслящего, того, за кого мыслит мыслящий и того, кто задал горизонт этой мысли [11, с. 215], то представитель неорганической интеллигенции становится в лучшем случае агентом некоторого субъекта, ставящего перед ним цели и задачи, утрачивая собственную субъектность. Эта утрата ком-

пенсруется раздражением, ненавистью и пренебрежением к представителям как традиционной, так и технической интеллигенции, ставшей рядовым актором процесса⁶. Очень хорошо подобный процесс описывает Д. Гербер в «Бредовой работе», фиксируя внимание на отчуждении работника от своего труда, потере им ощущения значимости своей деятельности, что выражается в странной смеси снобизма и ненависти со стороны работодателя и уязвимости и депрессивности работника [см.: 12, с. 9–16]. Таким образом, интеллектуал, встроенный в систему общественного производства как агент чужой субъектности, может решать задачу всеобщности только в логике разработки процедур элементаризации потребителя. Потребитель потребляет, и потребление становится самоцелью в индустрии производства неразличимых безликих представителей массы. Иными словами, его уже не трогает: «То обстоятельство, что всем их персонажам, за исключением негодяев, сущностная тождественность навязывается вплоть до изъятия тому сопротивляющихся физиономий, таких, например, которым, как в случае Гарбо, не скажешь запросто “Привет, сестрёнка”, поначалу весьма значительно облегчает жизнь кинозрителям. Их уверяют в том, что им вовсе и не нужно быть иными, чем они есть, и что все это точно с таким же успехом могло бы удаться и у них без того, чтобы от них потребовали бы чего-то такого, к чему считают они себя неспособными. Но одновременно им намекают и на то, что от усилия тут совсем не было бы проку, потому что буржуазное счастье уже более никак не связано с поддающимся вычислению результатом их собственного труда» [4, с. 183]. И в выработанной ситуации привычки к тотальной неразличимости, конечно, девальвация идей и смыслов уже не вызывает чувства горечи и досады. Уверенность «в том, что культурное производство и потребление изменились меньше, чем хотят нас уверить некоторые обозреватели» как раз и возникает как защитная реакция на понимание своего зависимого положения. Все хорошо и стабильно. Ведь легче представить конец света, чем конец капитализма, как писал М. Фишер [13]. Капитализм,

⁵ Такую сложную структура субъекта (агента) духовного производства мы фактически описывали в статье, посвященной проблеме кризиса теории в современной философии. Субъект познания в классическом домодерновом обществе также представлен как сложная тройственная структура, которую и унаследует субъект (агент) духовного производства [10, с. 62–73].

⁶ Вспомним кому только не приписываемую фразу «войну выигрывает учитель» и посмотрим на сегодняшнее положение учителя в обществе. Учитель, представитель технической интеллигенции, низведен сегодня до работника сферы услуг (при всем уважении к представителям этой важной в социуме сферы). Между тем, Грамши отмечает очень важную вещь: социальная деградация технической интеллигенции вскоре приводит к кризису всей социальной системы [9]. Кстати, иллюстрирует он этот тезис примером с потерей монополии в военной сфере, в которой фактически каждый сеньор имеет определенные навыки ведения военных действий, что, по мнению Грамши, и стало началом кризиса феодализма. Кроме того, в этой органической интеллигенции шло свое разделение труда: появлялась управленческая аристократия, которая отделилась от создателей смыслов. Конечно, это именно мнение, но оно имеет реальные основания.

ставший действительно глобальным и в этом глобализме уже изживающий самого себя, создал и изживающую самую себя прослойку интеллигенции⁷.

Может ли в такой ситуации возникнуть альтернативная академия, другой формат деятельности интеллектуала, другой дискурс, иной, незападный тип идеологии как системы идей, тем более что, как мы видим, существующий формат фактически закрыл вопрос о создании смыслов? Сможет ли российский философ не просто изучать русскую философию, а мыслить в ее традиции на поле социальной философии, онтологии, гносеологии, эпистемологии – список можно продолжать? Вопрос этот касается любой западной традиции⁸. Думается, да. Мы не сможем сейчас сказать, какова может быть структура нового субъекта духовного производства, это предмет отдельного разговора. Но мы можем назвать точки его возможного роста. Они заложены и находятся в той же самой природе интеллектуала, в его внутренней расколотости. Интеллектуал, особенно в области гуманитарной, продолжает оставаться частично представителем традиционной интеллигенции. Он не может быть полностью встроен в индустриальные рамки, до конца не теряет свою индивидуальную форму деятельности, чем если не разрывает логику омассовления интеллектуальной деятельности, то препятствует процессу тотализации этой логики. И главное – он может и должен говорить на своем родном языке⁹. Потеря языка прежде всего сказывается в утрате индивидуальности и самоидентичности. Удивительно точно эту власть чужого языка выразил К. Леви-Стросс, когда писал о том, что не смог перевести свою собственную статью, написанную по-английски, на французский язык, обнаружив, что писал не то, что хотел, а что позволил ему «его английский». Тогда так ли уж альтернативен европейскому дискурсу мультикультурализма мультинационализм Эдуарду Вивейруша де Кастру, пишущего свои «Каннибальские метафизики» [18] не по-португальски, а по-французски? Так ли уж естественен маоизм Сартра? Конечно, есть Ж. Деррида, который говорит про себя: «я – французский еврей из Алжира» и описывает последовательный переход к французскому языку, который его (а не он) выби-

⁷ О характере этого феномена мы писали в статьях «Ветер недоперемен» и «Интеллигенция между властью и обществом» [14; 15].

⁸ Отметим здесь работу Шемякина «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», где автор, рассматривая отношение европейской культуры к миру за пределами Европы, пишет, что «дилемму, вставшую перед неевропейскими народами, можно определить следующим образом: можно ли стать свободными, оставаясь самими собой (т.е. китайцами, индийцами, арабами, латиноамериканцами, русскими и т.п.), или для этого необходимо превратиться в составную часть Запада, потеряв, тем самым, собственную цивилизационную идентичность» [16, с. 5].

⁹ Связь возможности не-европейской мысли с языком анализирует Ю. Хуэй в работе «Пост-Европа» [17, с. 8, 13, 33, 122].

рает для жизни [19]. В художественной литературе ситуация несколько иная, там музыка языка (а любой язык создает свою музыку) позволяет играть со смыслами, производя иную, новую гармонию. В теории же «дьявол играет с нами, когда мы не мыслим точно» [20], – говорил М. Мамардашвили. Но сама возможность слушать биение смыслов в языке родной культуры у интеллектуала остается. Что отнюдь не означает, что дискурс сегодняшней академии для него станет чужим и закрытым. Тем более при «всемирной отзывчивости русской души».

Литература:

1. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Logos-altera: Esse homo, 2006. 256 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Подгот. к печати И.И. Прейс, А.А. Уйбо; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1956. 615 с.
3. Кутырев Диалектика Света (К 70-летию книги Э. Хоркхаймера, Т. Адорно «Диалектика Просвещения»). Статья 1. Диалектика (конца) Света // Философия и культура. 2018. № 5. С. 24–38.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Культуриндустрия. Просвещение как обман масс // Диалектика просвещения. Философские фрагменты. «Медиум» «Ювента». М., С-Пб. 1997. С. 149–210.
5. Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова; под ред. М. Маяцкого. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2011 (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 208 с.
6. Жиль Д. Критика и клиника / Пер. с франц. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. Послесловие и примеч. С.Л. Фокина. СПб.: Масiнна. 2002. 420 с.
7. Вальтер Б. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / Предисловие, составление, перевод и примечания С.А. Ромашко; Немецкий культурный центр имени Гете. М.: Медиум. 1996. 240 с.

8. Бауман З. Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html> (дата обращения: 31.03.2011).
9. Грамши А. Формирование интеллигенции / Тюремные тетради. URL: https://royallib.com/book/gramshi_antonio/tyuremnie_tetradi_izbrannoe.html
10. Агапов О.Д., Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. «Спротивление теории»: “to” vs “of” (о кризисе теоретического знания в эпоху «плоских» онтологий) // Наследие веков. 2025. № 3. С. 62–73.
11. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии / Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука-Аттикус. 2010. 288 с.
12. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.; Владивосток: Ад Маргинем Пресс, 2018. 440 с.
13. Фишер М. Капиталистический реализм. Альтернативы нет? / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ультра-культура 2.0, 2010. 138 с.
14. Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Ветер недоперемен. Родина, которой присягали... // Материалы Всеросс. науч. конф. с международным участием, посвященной 100-летию образования СССР; (Н. Новгород, 14-15 октября 2022 г.) / Под ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. Н. Новгород: Изд-во Приволжского исслед. мед. ун-та, 2022. С. 210–220.
15. Терещенко Н.А. Интеллигенция между властью и обществом // В мыслях о своемвременном и ином: материалы Всеросс. науч. конф., посв. 150-летию со дня рожд. М. Горького (Н. Новгород, 21-22 апреля 2018 г.). Нижний Новгород: Изд-во Приволжского исследов. мед. ун-та, 2018. С.191–201.
16. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука. 2001. 391 с.
17. Юк Хуэй Пост-Европа. М.; Владивосток: Ад Маргинем Пресс. 2025. 176 с.
18. Кастру Э.В. де Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.; Владивосток: Ад Маргинем Пресс; Москва. 2017. 216 с.
19. Деррида Ж. Последнее интервью. URL: <https://idavirus.livejournal.com/52458.html/> (дата обращения: 02.09.2024)
20. Мамардашвили М.К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно... // Театр. 1989. № 3. С. 88–96.

From Cultural Industries to Spiritual Production

*Tereshchenko N.A., Shatunova T.M.
Kazan (Volga Region) Federal University*

The relevance of the article lies in the question of the reasons for dominance of Western strategies and patterns in modern scientific, philosophical, artistic practices. The purpose of the article is to try to discover the possibility of forming a subject capable, operating with the strategies of today's academic culture, nevertheless to begin the process of using their own intellectual, artistic, social traditions. The novelty of the study consists in the authors' attempt to see the solution to this problem in two planes: firstly, in the plane of analyzing changes in the nature of the subjectivity of the modern intelligentsia, since modern total capitalism does not create an organic intelligentsia that expresses the interests of capital as universal. The organic intelligentsia is replaced by the so-called intellectuals - inorganic intelligentsia, generated at the end of modernity in the process of recruiting by various parts of the capital of their own agents from the traditional intelligentsia of previous eras. Secondly, the authors show that in theory, the imperceptible substitution of the concept of spiritual production by the term "cultural industry" marks serious processes of transformation of spiritual production and leads to the loss of subject qualities by a modern intellectual who loses the ability to create human meanings, and reproduces instead of them mechanisms or technologies for creating another product – an indistinguishable mass of consumers. The scientific and practical component of the article is seen in the authors' attempt to find some points of growth of a new subjectivity, capable of mastering the traditions of their own culture and joining the process of spiritual production as the production of meanings and the production of a social person and society as a result.

Key words: spiritual production, cultural industries, organic intelligentsia, loss of subjectivity, forms of broadcasting meanings